

84(2Рсс=Рус)6

К В67

Владимир Волковец

Река моя,
память-транзит...

Владимир Волковец

Река моя,
память-транзит...

- Стихи -

г. Советский

2012 - 0146227 -

Государственная библиотека Югры	ОЭ
---------------------------------------	----

Государственная библиотека Югры	КО
---------------------------------------	----

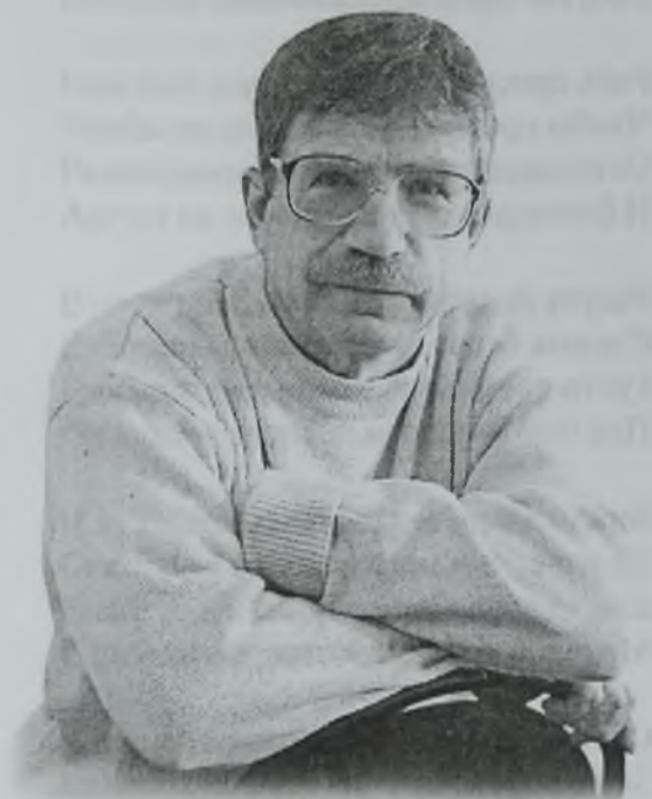
ББК 84 (2Рос =Рус) 6-5

В 67

В новой книге Владимир Волковец верен своему жизнеприятию, одушевляющему родству всего сущего, как на уровне тем и мотивов, так и на уровне образном, когда уверенная вязь метафор совмещает в ткани стиха то, что взаимоотражается в самой реальности.

Автор выражает сердечную благодарность за помощь в издании книги главе Советского района Сергею Васильевичу Удипцеву.

ISBN 978-5-94007-065-8

В октябре

Вьюга деревья намылит -
Дождик промоет листву.
Птица прострелит навывлет
Там, где пройти не рискну.

Рябь просверкает погоже,
Чтобы продлиться уже
Острым ознобом по коже
И благодатью в душе.

Радует бодрая пёстрость
Свежих берез, что тишком
Густо присыпали пропасть
Под опрокинутым пнём.

Вижу сквозь тонкие ивы
Дальше, чем месяц назад.
Ели над взлобьем обрыва
Мрачной короной стоят.

Слева в болотистой чаше
Зеркало, справа - сквозь лес
Вьётся дорога...
А дальше -
Край облаков и небес.

Окна пересыпаны под утро
Маковыми точками мошки.
До Приобья с севера продуты
Полотно расхлябанной реки.

Сны мои удерживает полог,
Чтобы не витали в облаках.
Разнотравен, сумрачен и долог
Август на зеленых островах.

В двух шагах от тихого ночлега
Блесткие созвездия плотвы.
Никаких примет больного века -
Он давно саднит в моей крови.

И душа внимательней и чутче
Связывает в узел неспроста
Реактивный след от тучи к туче
С дымом одинокого костра,

Черные развалины деревни,
Кулаками рубленой, и взгляд
Старожилы тутошнего с бреднем,
Что гостям несуетливо рад;

Радугу на дальнем побережье
И павлиньи пятна на волне,
Что томит в печали и надежде
По чужой и по моей вине.

Даже огню нужно время
В силу поверить свою.
Даже смолкают деревья
Стоит запеть соловью.
Даже от стихотворенья
С добрым настоем тайги
Может прийти исцеленье
От неудач и тоски.

Деревья разговаривают с ветром
Размашистыми жестами вдогонку.
И норовят за шиворот при этом
Закинуть мне то шишку, то иголку.

В сухую осень поздние маслята
У сосен приютились по привычке.
Мне с облаком грибного аромата
Никто не удивился в электричке.

В углу веселье с баночками пива,
В другом - игра в ладонях мальчугана,
У пожилых - обложка детектива
Да переплет любовного романа.

В окне средневековые коттеджи
Торчат из среднерусского пейзажа.
И ощущение грусти и надежды
На лучшее растет и крепнет даже.

Я очарован нашим захолустьем
И сентябрем березово-туманным,
Им нету заменителей «со вкусом
И цветом идентичным натуральным».

У поздней малины особенный вкус-
Прощальная сладость ребячьей обиды
И вдове печаль рассыпанных бус,
Когда их причины давно позабыты.

И тонкая память дурманит слегка
Далекое, полное жизнью и счастьем.
И звонко отсчитывает века
Сердечная жилка на левом запястье.

Заморозок

Как прекрасен! – удивленный
Онемею на дворе –
Нежный иней на зеленой,
Перепуганной ботве:

Через час – в дымящих каплях,
Через два – сырым тряпьем
В золочено черных пятнах,
Через три - падет ничком.

А в земной тяжелой глуби
Кругло зреют до поры
Обесточенные клубни,
Светом инистым полны.

Озеро

Зеленые сумерки по низу
Забрызганы в мелкую синь.
Куда бы ни двигался по лесу,
Шагаю в согласии с ним.

Иду по тому направлению,
Что манит забытым во мгле,
Дорогой неведомо верною,
Осознанной все же вполне.

Не знаю, откуда - повеяло
Сырой блескотою, а с ней
Всё реже от дерева дерево
И свет между ними ясней.

Так стало свежо и березово,
Что благословенная тишь
От неба, упавшего в озеро,
Бескрайне бездоннее лишь.

И давние глупые радости
Обманно близки мне, как те
Великие из-за прозрачности
Воды, самоцветы на дне.

Осень 2011-го

И почву прогрело, и снова
Насытило ливнями так,
Что лезли почти до Покрова
Грибы в моховых сосняках.

Едва ли понять, что за сила
Ночным холодам вопреки
Гнала из подземного мира
Настырные боровики.

А вскоре нагрянули выюги
И снегом боры замели.
Но слышались долго в округе
Толчки из-под стылой земли.

Облака к горизонту прибиты.
Ждет земля - не дождется дождя.
И начнет, пару дней погода,
Каменеть от тоски и обиды.

Веет зноем грядущей пустыни
Из песчаной прорехи во мху.
Двадцать лет как сгубили тайгу,
А душа в ней кружит и поныне.

Где река отползла на полметра,
Двухнедельной щетиной трава.
Лес молчит, вспоминая слова,
Что разбрасывал осенью щедро.

Муха сослепу или спросонья
Замоталась в паучий капрон.
Под корягой играет хребтом
То ли щучья семья, то ли сомья.

В небе птица парит, замирая
На шуршанье ужей и мышей.
Здесь присутствие жизни моей
Только миг без начала и края.

Апрель, как призрачно и блёкло
В линиях прелести твоей.
В холодной луже, как в бинокле,
Поймаю поздний клин гусей.

Их клики радостны, но горек
Взгляд долгожителей окрест -
Теснят кварталы новостроек
Оставленный потомкам лес.

Придет праправнуково время,
И в Книгу красную войдут
Не только гусь и лось - деревья,
Что нынче с внуками растут.

На Оби

Ивняк узловат и кустист
На гривах осенне-пунцовых.
Качает нас Обь и грустит
Старик о былинных уловах.

Моторка пыхтит кое-как,
Волной раздвигая протоки.
Когда ни стерлядки в сетях,
Тогда и душе не до водки.

И клонится солнце ко сну.
Дымят макароны по-флотски.
Старик потянулся к костру.
Ладони сквозящи, как доски.

Река его - память-транзит,
То в бликах, то в яром тумане,
То брата во тьме отразит,
То друга, утопших по пьяни.

Вращается звездная ночь,
Блестит чешуей по стакану.
И гонит бессонную мощь
Меж судеб людских к океану.

В комарином пуху подоконник.
Нашим снам уже полог не нужен.
Спас медовый - душица и донник,
Тмин и таволга - к чаю на ужин.

Нам за тридевять метров до речки
Без ухи обойтись будет трудно,
Чтобы поверху звезды-колечки,
А к утру ложка замерла в студне.

Нас уже неосознанно тянет
Память к дому, изныв и измаяв.
Хоть и знаем, что даже кота нет,
Кто бы ждал у порога хозяев.

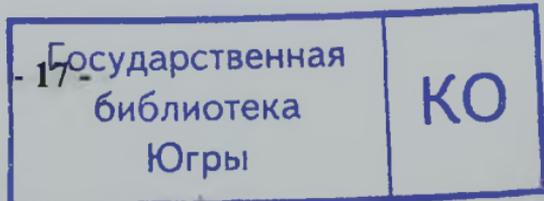
По туманному тальнику ходко
Доберемся за час к переправе.
Хлеб и соль на исходе, а водки
С полкило еще булькает в пайве.

Стоит жизни немного умяться -
От скитаний опомнимся разом.
Синий август, созрев до румянца,
Закругляется яблочным счастьем.

Еще вездесущие настороже
Спирали паучьих сетей.
А с прелыми яркие листья уже
На шляпах молочных груздей.

Все суетно-сутолочное отбрось!
Лес более дух, а не плоть.
И в горсть уместилась рябинная гроздь,
А кисть костяники - в щепоть.

Любви и доверья, будь нем, но не слеп,
От нас ждет народец лесной.
А древние страхи, ступая след в след,
Пришли, озираясь, с тобой.

- 0146227 -

Крохолет

Большой, как пух чертополоха,
Весь из коленчатых треног,
Комар подпрыгивал неплохо,
Но хорошо взлететь не мог.

Громоздким был и неуклюжим,
Совсем безвредным для людей.
Зачем такой на свете нужен,
Когда есть мельче и наглей?

Пока его создатель думал,
В чем оплошал, комар ослаб.
И сквозняком беднягу сдуло
В комок суставов, крыл и лап.

Паук копался в этом коме,
И отыскал там что, едва ль...
Я сам вчера в металлоломе
Искал заветную деталь

Для суставного крохолета.
А без нее какой в нем прок -
Хоть он подпрыгивал неплохо,
Но хорошо взлететь не мог.

И не найдя, вернулся грустно
К простому выводу весьма:
Уж если что природе нужно,
Она придумает сама.

В безлистую пору предзимья
Бывают минуты, когда
Стоит в душе невыразимо
Томительная немота.

Забылись невзгоды былые
И радостям счет обнулён.
По лужам и хрусту полыни
Куда-то тащусь напролом.

Живой - не живой ли, не знаю..
Господь, точно ведая путь
Над бездной, подвел меня к краю.
И дал мне в неё заглянуть.

Да будет снег!

Шел дождь, а думалось о снеге,
Как избавленье от ночей
С промозглым мраком, о соседе
Восточно-западных кровей.

Он что-то выведать пытался,
Все намекал, а по уму
Спросил бы прямо, не мотался
Между зачем да почему.

Я врал с тоски, а будь что выйдет!
И надоврался, черт возьми...
Да будет снег! Пусть все увидят
Грехи невинные мои!

Мне никогда не стать богатым,
Не жарить на костре гадюк,
Не обниматься с косолапым
И не ловить пудовых шук,

Не знать друзей верней собаки,
Когда в дороге месишь грязь,
И золотой хантыйской бабы
В глаза не видеть, отродясь...

Покамест он терпел и злился,
Вокруг да около скулил,
Моей заразой заразился,
Моею грустью загрустил.

Затосковал до онеменья.
И проклял нас и грязь, и тьму...
Да будет снег! Чтоб на мгновенье
Все ясным сделалось ему.

Что в нашем сером захолустье,
Когда ненастье душу рвет,
От безысходно злого чувства
Любой с три короба наврет.

Завалило березы снегами,
Чуть не вывернуло наизнанку -
До земли изогнулись ветвями.
Тяжело им, но держат осанку.

Да и нас покорежило время
Нищетой, маятой да упреком.
Со страной, за деревней деревня
Вымирая, молчим перед Богом.

Сетью лиственничной хвои
Снег осыпан, снегом - мох.
От сквозной осенней воли
Даже наш родник примолк.

Гладит ветер против шерсти,
Припорошивает путь.
Как слова от липкой лести,
Снег проскальзывает чуть.

Разойдемся, как на стыке.
Ты - в закат, а я - назад.
Мне слова твои пустые
Только душу тяжелят.

Сапоги

Устоялись только к ноябрю,
По сорочьи хриплые, морозы.
И заныли, вспомнили мозоли
Обувь прошлогоднюю мою.

Разминаю от носка до пят
Сапоги отечественной кожи.
Снег хрустит, а сапоги, похоже,
В унисон по-старчески скрипят.

То синицы вслед, то воробьи
Подчирикнут паре в перепалке.
Как забавно в сумеречном парке
Сапоги выгуливать свои.

Льжники скользят пробегут,
Сосенок качнутся треуголки.
Солнцем коронованные елки
Новогодних утренников ждут.

А когда в размятых сапогах
Теснота не будет ощутима,
На березках вырастет щетина
Серая как на моих щеках.

Две метели

На Оби, где просторен разбег
Молодой снеговерти и стыни,
У метели стерляжий хребет
И восторженный вкус строганины.

А в столицах невнятен февраль -
Сыплет гарью и моросью дымной.
И метель, как последняя шваль,
Волочится за каждой машиной.

Ни ворон, ни сорок - минус сорок.
Кристаллическая светлота
Разрослась и заполнила город
От окна моего до креста.

Обомшела лыжня к перелеску.
И пока у ветров передых,
По черемухам иней вразбежку,
По оградам врастажку притих.

До мороза дыханьем дотронусь,
А душой - до клочка синевы,
Уходящей в тоску и бездонность,
И отчаянье первой любви.

Как ни вьюжна зима и свирепа.
Из заоблачных лет всякий раз
В феврале возвращается небо,
Окрыляя надеждами нас.

Дни растут и отчетливей тени.
Поползет, лишь зима надоест,
С крыши снег, тяжелея от лени,
И обрушится, наконец.

Февраль на припеке подмок,
Но вьюжен на лютых раздольях.
И снег, komponуясь в комок,
Приятно прохладен в ладонях.

Дымится облитый стеклом
Хрустарник в оранжевой рани.
А солнце под острым углом
На пол проецирует рамы.

С газетной грязью в колеях
Дорога зальдела до блеска.
Бледнеет в пустых небесах
От старых бессонниц таблетка.

Скривило теплом на столбах
Слоистые башенки снега.
И бродит в древесных потьмах
Весна, от восторга яснея.

И вербы раскрылись свежо,
И капает с крыш яркодробно,
И стало вдруг так хорошо,
Что перед людьми неудобно.

Со вздохом обрушился в воду,
Подмытый течением снег.
Весна подтолкнула к разброду
В душе и удрать ото всех.

Давно не с любовью, а болью,
Что с нежностью пополам,
Тянусь к тишине и раздолью,
Лесным и речным берегам.

Наш век выдирает нестерпимо
За ноги и рвал за кадык
Не только деревья и с ними
Сохатых, пернатых, косых...

Бывало, жестокие страсти
Гремели в медвежьих углах.
Бывало, и прихвостней власти
Топили в глухих омутах...

В апреле погода слоиста -
То слякоть, то прелая тишь...
У речки есть память на лица.
Но разве их всех различишь?

Вчера еще в славе и силе,
С судьбой состязались легко,
А нынче, как будто не жили -
Всех вечной водой унесло.

Райцентр

Городок набит с размахом
Слякотною шлепотнёй,
Бликами, мышиным мраком
И куриной слепотой,
Снегом в копоти и саже
По обочинам дорог
И березовым пейзажем,
Что пестрит, как сто сорок.

Жмурки бабок на припеке.
Солнце с крыши заводской
Из пипеток кривобоких
Под нашлепкой ледяной
Отпускает по рецепту
Дозированное - бульк!
Март шагает по райцентру,
Как на пенсию главбух.

Он с задумчивою грустью
Откопал в себе талант
К живописному искусству-
Распахнул пытливый взгляд,
Мыслит красками, мечтает
О портретах в стиле ню,
Всех знакомок привечает
Да помногу раз на дню.

Подплывет к рядам торговым,
Где имеет право сметь
Веским словом и целковым
Меж друзьями прозвенеть.
А друзья в лучах весенних,
Распаленные хмельным,
О властях галдят и ценах,
Звонко чокаются с ним.

Снег, темнея, таял с хлюпом.
А когда совсем исчез,
Не сговариваясь, с внуком
Завернули в мокрый лес,
Где рассеянная просинь
И синичий переклик,
Где среди берез и сосен
Кедр - единственный мужик.
Где холодный запах снега
Вспоминается с трудом,
Где не выпрямился с лета
Мох, примятый сапогом...

Обучаю внука тому, что
Умел уже в его возрасте:
Искать грибы, свистеть звучно,
Костер затевать из хвороста...

Внук мне показывает то, что
Знает уже в мире этом:
На сотовый скачивать фото,
Пользоваться интернетом...

Вместе у сороконожек
Лапы считаем и, по росам
На рыбалку спеша, у божьих
Коровок молока просим...

Черно-белое

Дома без крыш и улица без края.
Туман, съедая залежалый снег,
Уходит, беспощадно выставляя
Житейский хлам на обозренье всех.

Окраина непроходимей свалки.
Перелопачен воздух вороньём.
И выполз товарняк из перепалки
С тянуче перепончатым мостом.

Среди невыразительных оттенков,
Где вперемешку серое с сырым,
Синицы на черемухе отенькав,
Спорхнули в параллельные двory.

Едва исчезли тени и контрасты
Кажусь себе не хуже, чем я есть.
Давно твои усмешки и остратки
Желание отбили в душу лезть.

Вошла и с невеселого пальтишка
Рассеяла стеклянную пыльцу.
И я уже готов сказать почти что:
Тебе туман и оттепель к лицу.

И потому испытывают зависть
К тебе не только дождь и небеса.
Иначе, почему вдруг оказались
На мокром месте серые глаза.

Поземка разгладила тени, а после
Забывчиво стерла, и день посерел.
Полжизни ржавел на заброшенном поле
Комбайн еще «Made in USSR».

Там малые дети во взрослых играли.
А внуки продали на металлолом.
Неделю нас «сникерсами» угощали...
И хмуро, и пусто теперь за окном.

Не слушая наши тревожные вздохи,
Они, с головой уходя в интернет,
Беспечно живут в виртуальной эпохе,
Куда нам, колхозникам, доступа нет.

Мы от скрежета проснулись:
Кто сгребает и куда
Отгружает с наших улиц
Кучи снега, грязи, льда?

В них следы воспоминаний,
Драк, запоев, ДТП,
Перекуров, расставаний,
Огорчений и т.п.

На десятом километре
Их в карьере свалка ждет,
Где земля и за столетье
Мусор не пережует.

Там не клочьями тумана,
От которого знобит,
Там кусками целлофана
Бомжеватый лес забит.

От хламья, рванья, бутылок,
Воронья в башке угар.
Может быть, в Москве и рынок,
Но по всей стране базар.

Что же делается с Россией?
Где лечить себя народ
Будет лесотерапией
От печалей и хвороб?

Черемуховым холодом и мхом,
И плесенью березовых проплешин,
И волей - пробираться напролом,
Оставленный уют уравновешен.

Податливые листья на ветру
Не глаженными выглядят и с ними
Зашевелились тени, а вверху -
Лоскутные проглядыванья сини.

В зеленой оживленной новизне,
Тревожен и насуплен для блезиру,
Ты, откровенно радуясь извне,
Стоишь внутри разбуженного мира.

По озеру гуляет пересверк,
Как щебета и свиста отраженье.
Здесь только с человеком человек
Сторонятся случайного общенья.

Тут за воспоминаньями кружа,
Прикинешь без тоски и междометий,
Что противостоит твоя душа
Не большему чем времени и смерти.

Вечерних электричек переклик
Вернет к необитаемой хрущевке,
Где встретит тебя в зеркале старик
В пылице и паутине, как в обновке.

Да нам ли не ведать, как
На Севере благолепном
Просветы в березняках
Зима набивает небом!
Просторно живем среди
Озерно-лесного края
Ни времени, ни страны
Великой не замечая.
Листва опадет, как сон,
И видим сквозь елки-палки,
Как густо со всех сторон
Поднялись нефтескачалки.
И время страшит, когда
Устанет от нас природа,
Бетонные города
Начнут уходить в болота.

Мы еще не совсем позабыли
О делянах, лежневках, хлыстах,
Как дышали смолистые спилы
На паучьи приземистых пнях.

Как орали плакаты квадратно,
Что почетен и славен наш труд.
А теперь по тайге воровато
Бомжеватые хваты снуют.

Как дорубят остатки, так реки
Обмелеют, сгорит молодняк...
Что за фирма у вас, дровосеки? -
Не могу допроситься никак.

Чай готов и теплеет на сердце.
Ветку суну в огонь - прикурю.
Их хозяин сидит в министерстве,
И скупает леса на корню.

По нужде и велению сверху
Рубим сук, на котором сидим...
Долго-долго не видеть просвету
С хамоватым бездушьем таким.

Пожар

И нас пожар застал врасплох.
Рванулись птицы врассыпную,
Лишь задымил и вспыхнул мох
По хвойно-знойному июню.

Огонь взлетел, пустился в пляс,
И осмелел, корежа стебли...
И только дождь, в который раз! -
На помощь бросился немедля.

Когда завел приятель речь -
Уху б сварить, решал в тревоге:
Нам заново костер разжечь
Или пожар продлить немного?

Нас август берет на испуг -
Наохлится, расхорохорясь,
Но вместо горошин из туч
Просеется млечная морось.

С утра паутинно тенист,
К закату размашисто перист,
Он посвист осенних синиц
Добавил в осиновый шелест.

Кедровник угрюмо намок.
И слышно, как ухнула чутко
В бездонно податливый мох
Чугунно граненая чушка.

На хвою нанизанный дождь
Заставит любого с поклоном
Войти в тишину, и войдешь,
И канешь в живом и зеленом...

Когда-то я здесь заплутав,
Отчаялся выбрести к людям,
А нынче сюда же стремглав
Срываюсь от суетных буден.

А нынче за несколько лет
Напористой нефтедобычи
В дорогах, качалках и ЛЭП
Запутался б даже лесничий..

Теперь от сибирской тайги,
Что между Уралом и Обью,
Остались шуметь островки,
Хранимые зыбью да топью.

Баня

В елях ватные диковины
Мрачноваты на свету.
И сугробы упакованы
В шелестящую слюду.

Паутиной перехвачены
Лужи в рытвинах дорог.
И зрочками мать-и-мачехи
Позолочен солнцепек.

У мозаики поленничной
Томно переводит дух
После бани, неги пенистой,
Пара млечных молодых.

Небу щурятся, от улицы
Прячут прелести свои.
Сочно светятся от юности
И застенчивой любви.

Убегут с азартом париться.
И опять с порога - в снег.
И пройти бы, зря не пялиться,
Да не заглядеться - грех.

А зима-то впопыхах
На метелях, на снях -
Пыль из-под полозьев!
Ускользнула, бросив
По окраинам на пнях
Бюсты Дед Морозов.

Снег сухарист.
Свет хрустален.
Свеж уверенный норд-вест.
Над воронками проталин
Дух тревоги и надежд.

Ель в порыве вознесенья
Вскинет ветви тяжело.
На лету поймаю семя -
Комариное крыло.

Отпущу - да будет почва
Благодатна и тепла,
И болезнь его, и порча
Никакая не взяла!

И хотя рисковый Север
Очернять мне не с руки,
Сколько радости ни сеял -
Заглушают сорняки:

Зависть и пустые склоки
Мелкодушных, алчных тех,
Кто под жалобные вздохи
Маскирует подлый смех.

Для кого любое время -
Благодатная весна.
Отпустил на волю семя...
Да хранит его звезда!

Вербное воскресенье

Простора дыханье сквозное
Печальной теплынюк обдаст.
В сосновых чешуйках и хвое
Стоит полированный наст.

Во мне уже весу два пуда.
К ветвисто рябой густоте
По снегу - не тает покуда -
Иду, как Христос по воде.

Побегов нарежу, теперь бы
Домой - снег рыхлей и сырей...
Чтоб стало светлее от вербы
И тайной молитвы моей.

Село Керенка

На жаре шелестела спина,
Как от ветра доска объявлений.
Но стеклянно упала стена
Проливного на морок вечерний
С белой церковью в центре села.

Только стоило брызнуть лучам,
Не узнать под дугой семицветной,
Подтянувшейся к небесам,
Превратившейся из неприметной
В удивительно праздничный храм.

Будто радость на землю сошла.
И теперь, где б судьба не носила,
Лишь представляю ее купола -
Поплывут из глубинной России,
Запоют в душе колокола.

В костер, дымящий еле,
Горючего плеснешь
И вместо снега с елей
На плечи рухнет дождь.

И отшатнутся тени
От жадного огня.
Чем поделиться с теми,
Кто в стужу спас меня?

Густеет снежный холод
И ветер не утих.
Есть чай и хлеб, и повод
Подумать о других,

Кого не мог оставить
И сам в слепую ночь...
И вспыхивает память,
Снег, обращая в дождь.

День в зеркалинах и саже
Мелкой крупкой освежён
И в проталинном пейзаже
Оттенен карандашом.

Духом прелости колеблем,
Лес двоится.
Как не в срок
Бабочка в наряде летнем
Выпорхнула на припёк.

И беспечная доньне,
Вместе с бабочкой дрожа,
Бьется в тени ледяные,
Обжигается душа.

Майский снег

Серой слякотью на дорогах
Млеет майская снеговерть.
Поспешила крупа черемух
Накануне светло расцвествь.

Снег сияет на кистях блёклых.
И задуматься есть о чем -
Только в лужах и наших окнах
Белой ночью темно как днем.

Далеко еще до инистых ночей,
Карнавальной листоверти по реке.
А листва уже беспомощней мышей,
Что висят вниз головой на чердаке.

Морозяще нескончаемая взвесь
Загнала в грибные дебри комарё.
И черемуха - когда могла отцвествь?-
Бьется кистью в одиночество моё.

Затянулось наваждение весны
С той поры, когда в вокзальной суете
Ты отрезала: все в прошлом, извини...
Если в прошлом, то не значит, что нигде.

В чуткой памяти сливаются в одно
Дни и ночи, воронье и соловьи,
То, чему невыносимо суждено
Стать раздумьями о жизни и любви.

Река моя, память-транзит...

Все цвета на нее перемерил я,
Вспоминая, во что одевалась.
Но любовь моя, самая первая,
Беззащитного цвета осталась.

Лето

И ропот, и трепет, и рябь,
И сумрачный дух медоноса.
Откинешь упрямую прядь
Со лба, ожидая вопроса.

Раскатисто грохнет гроза
И я не услышу ответа.
И только сверкают глаза
Во всё оглушённое лето.

Обретение дня

Полкилометра отмерив,
Выбрел к болотине, где
Рыбьи скелеты деревьев
Не отражались в воде.

Будто от выдоха к вдоху,
С запада круглый закат
Перекатился к востоку
В дымке овальных зеркал.

По золотому на синем
Вызрела белая мгла,
И по ольховым низинам
Холодом проволокла.

В обморочном онеменье
Не задыхаясь едва,
Остановлюсь за мгновенье
До обретения дня,

До понимания смысла
Нашей земной красоты...
И паутина провисла,
Потяжелев от росы

Аллерген

Улица выдавливает вверх
Тополя, раскрученные к тучам.
Полминуты с пухом вездесущим
Хватит невзлюбить его навек.
Только ливень может отвести
Нервное удушье...
Тихо жался,
Терся возле ног и прижимался
Белый кот в линяющей шерсти.

Ночная гроза

Не богатырский храп
Соседа по палатке -
Гроза вспорола мрак.
И тени в беспорядке
Заполнили овраг.

От речки берега
Отпрянули внезапно.
И вольтова дуга
Соединить напрасно
Пыталась до утра.

Разбуженный сосед
Молчит, глаза тараща.
А на сто верст окрест
То темнота слепяща,
То непрогляден свет.

А дом мой вдалеке
Наполнен ожиданьем.
И мать стоит в окне.
И молнийным сияньем
Томят глаза во мгле.

Парк

Лесной массив отгородили
Автодорогой, а потом
Полгода чистили, рубили
Маршруты пешие кругом.

Когда ручными стали белки,
Обыденным - вороний карк,
Поставили в тиши беседки
Из обработанных коряг.

Дорожки в плитке, ну а там и
Кафе возникло на углу...
И стало страшно вечерами
Ходить по лесу одному.

Девяностые

Ветхую крышу барака
Бархатно выстелил мох.
Лязгает пастью собака,
Изнемогая от блох.
Гляну вокруг, понемногу
С миром в согласье приду,
В тапочках на босу ногу
Опохмеляться пойду.
Скромные люди на рынке
Вдруг превращаются в люд,
Если в капустной начинке
Рыбную кость узнают.
Лунная рожа торговца
Всходит над грудой дынь.
Мент на плевке поскользнется,
Прячась от пьяного в дым.
Возле пустующей урны
Сонно окурки дымят.
Две малолетние дыры
На олигархе висят.
Блещут бока мерседеса.
Бомж донимает бомжа,
Машет у самого сердца
Ржавым обломком ножа.
Делят веселую даму
С ярким, как день, синяком,
Что за бутылку «Агдама»
Ляжет с любым мужиком.
Рядом небритые лица
Вора, вруна, подлеца...
Все это длится и длится,
И продолжается...

Синеслоен свет и плотен
В феврале, а разница
Между полночью и полднем
Три- четыре градуса.
Снег к обочинам растолкан
И за город выдворен
По программе подготовки
К депутатским выборам.
Сколько лозунговой фальши
На домах расклеено!
И бомжи спешат подальше
От потомков Ленина.
Там кружит воронья прорва,
Стая псов патлатая -
Ни отстрела, ни отлова -
Тишь и дерьмократия.

37-ой

Он хохотал упрямым ртом,
Не знающим улыбок,
Лоснился мартовским котом
На дам в преддверье пыток.
Следил за нами, и ловил
Все сказанное в споре
О заговорах тайных сил
В стране, где без разбора,
Суда и следствия гноят
Крестьян и генералов,
Не доверяет брату брат
И сын с отцом в опале.
Мы были искренне полны
Отвагой без излишек...
Он замыкал уста, а мы
«Врагов народа» список.

Уважен дождями июль, неспроста
И важен, и гостеприимен -
Морошка на кочках медово желта,
Манит фиолетово-синим
Черника и алым - малина с куста.

А позже - брусника зардсет в бору
И клюква на зыбком болоте.
К зиме всякой ягоды впрок наберу,
В сиропе, варенье, компоте
Духмяную память о днях сберегу.

Когда заготовки забродят слегка -
Солью в двухведерную флягу,
Добавлю дрожжей и немного медка,
Поставлю тревожную брагу
Хмелеть в золотой теплоте чердака.

О, что за напиток созреет к весне
Со вкусом и запахом летним!
Друзья заторопятся в гости ко мне,
Узнав, что он с даром целебным -
Избавит от лени и скуки вполне.

Когда станем чуточку навеселе,
То вместо стакана по кругу
Мы пустим стихи о таежной земле,
Что будут сравнимы по духу
С неистовым хмелем на нашем столе.

Собаки, голуби и осы
Кружат на пляжах октября.
Зевают сонные киоски,
В немой режим переходя.

Уже туман ползет и морось.
И ты, без видимых причин
С утра со всеми перессорясь,
Бредешь по берегу один.

И не подкатывает к горлу
Былой безвыходности ком –
За месяц волны перетерли
С веселой галькой и песком.

Дед

Приземист и не худо сложен,
Он крепок был еще вполне.
Какой же сон присниться должен,
Что так и умер дед во сне?

Увидел, как под Сталинградом,
Когда гремел за шквалом шквал,
Осколок вражьего снаряда
Не ранил - в клочья разорвал?

А может, на лесоповале
В промозглых дебрях сентября
Не стужей смертною обдала
Сосна - подмяла под себя?

Терпел, не скурвился, не спился,
Не сгинул в ельцинском вранье.
Какой же сон ему приснился,
Что так и умер он во сне?

А вдруг - он очутился в детстве,
Где сад в цвету и дом не стар,
Так было благостно на сердце,
Что просыпаться он не стал?

Поход

Утренний свет золотой
Стал серебристо-синим.
Нет, не за этой - за той
Далью, деревней, верстой,
Что суждено нам, осилим.

Шли через ночи и дни,
Ожесточенно готовясь
К трудностям, что на пути
Встретятся нам впереди,
К самому худшему, то есть.

Сотни и тысячи верст
Пересчитали ногами,
Но под сиянием звезд
Злобы и вражьих угроз
Не было встречено нами.

Все возвратились домой,
К женам и детям красивым.
Будет над нашей страной
Утренний свет золотой
Вечно сменяться синим.

Слишком долго празднуем победу.
И мерцанье боевых наград
В серебристой памяти солдат
Заглушаем юбилейной медью.

Им бы веры да простого уваженья,
Да задорной радости в глазах,
Да чтоб в человеческих правах
Не терпеть от власти пораженья.

Памяти Анатолия Казанцева

Поминальную службу исполня,
Убедили себя почти:
Умереть, значит выйти из поля
Нашей видимости - войти
В поле воспоминаний, в котором
Продолжаем общенье с ним.
И поем, и смеемся, и спорим...
Но уже - слепые с немим.

Притча

Сын, ведала молва,
В грозу бежал к деревьям.
И молния вошла,
Расхлынулась по нервам.

В мгновение одно
Он стал золой и светом.
Лишь матери дано
Засомневаться в этом:

Он ходит по земле,
Почти парит над полем.
И светится во мгле,
Небесной силы полон...

Одна лишь мать к нему,
Идет светло заметна,
Сквозь грозовую тьму
Всевидяща, как ведьма.

Люболь

Не вырваться тебе
Из кольцевых московских,
Обшарпанных квартир,
Нелетных октябрей.
Ты просто по судьбе
Совсем не из таковских,
Кто из Москвы в Сибирь
Умчится вслед за ней! -

Простой как пятью пять,
Чудной провинциалкой,
Что сдуру родила
Тебе не дочь - люболь.
Её отец и мать
Не встретят перепалкой:
Сама, мол, нажила,
Так нянчиться изволь.

Ты будешь года два
Еще в тусовках разных
Богатым и простым
Казаться всем назло.
Потом поймешь, Москва
Не слава и не праздник,
И свалишь, сукин сын,
Под отчее крыло.

И где-нибудь в Крыму -
Не в Кирове ж, известно,
Ты, вспоминая дочь,
Тоскливо заскулишь,
Закуришь в злую тьму
До омерзенья трезво,
И долгой будет ночь,
И нестерпимой тишь.

Звонки по адресам,
По сайтам в интернете
Напрасны - ты не зря
Дочь называл - Любошь.
Найти того, кто сам
Не захотел на свете
Быть найденным, нельзя.
Нельзя и в этом соль.

В растерянном испуге - не ждала -
Движения разнеженные плавны.
И легкая неряшливость мила,
И леньность неприкрытая забавна.

Врасплох тебя застали как всегда,
Поднять подняли, но не разбудили.
Как птица отвлекает от гнезда,
Притворно не показываешь силы -

Достойно выйти из дремотных пут.
Уже мелькает в выраженье сони:
Те голыми руками не возьмут,
Кто сами у меня как на ладони.

Через минуту выйдешь по лучу,
Проникшему из форточки, такую,
Что станет сразу все тебе к лицу,
О чем бы ни спросили - под рукою.

В ребячий круг внимательной игры
Вбегаешь озарено простодушной.
И это называешь «просто дружбой»,
Но видит мать, до срока, до поры.

Подъезд

Гитары дряблый звон.
Откуда в парне хмуром
Тоска чужих времен,
Жаргон шпаны и тюрем?

Кем лагерная боль
Завещана парнишке,
Не знаящем, как соль
Съедает в кровь подмышки?

Как взросло пацаны
Молчат - не станут хлопать.
И руки их в штаны
Задвинуты по локоть.

Вчера - ни облачка,
Сегодня - ни просвета,
Сочится с неба млечная труха.
И сосенка дражайшая одета
В очарованье дымчатого мха.
Черемуха осыпалась в июне,
Но запах еще держится в лесу.
И девочке,
Вчерашней хохотунье,
Упрямая задумчивость к лицу.

В гостях

Она приветно величава!
Ни шагу от гостей, в полон
Берет беседу по праву
Хозяйки праздника, а он,
Скороговорчив и несобран,
Сбежит, чтоб через миг опять
Суп, что остался недохлебан,
В горячей спешке дохлевать.
Он суетлив, но выбирает
Меж чувством долга и вины.
Едва окликнут, исчезает
Под тенью царственной жены.

Три входа

И странно и страшно, поверьте,
Есть быть от чего не в себе –
Пошли вереницею смерти
От пьянок, хвороб, ДТП...
- И станут расти год от года -
Угрюмый пророк господин –
На кладбище вашем три входа,
А должен быть только один.

Эх, носило ж меня, бедолагу,
По стране и вдоль, и поперек.
Как умру, то, наверное, лягу
Я во всю длину своих дорог.

Когда-то...

На опушках ромашки цвели
И скворцы распевали в кронах,
И, в окно залетая, шмели
Застреливали в незрелых строках.
Изменилась округа давно-
Ни шмелей уже, ни ромашек.
И в открытое настезь окно
Смотрят окна многоэтажек.

За соседним столом

На кольцах лука зрели яхонты
Слезливой соли...

Поведешь

По сторонам глазами, якобы,
Что мне упреки - много пьешь.

Не избежать семейной ругани!

Тогда внезапно от стола

Она глаза с такими крупными
Камнями тихо подняла.

Вот-вот они с ресниц обиженно

Сорвутся, бурно хороня

Надежду, что она услышана...

И стих оркестр, и возня

Ножей и вилок, и шампанского

Колючий, шепелявый гул...

Он повернулся к ней и ласково

Грозу салфеткой промокнул.

С оттепелью пепельным оттенком
Дни в постснеговой феврале -
Ни причуд наклепленных по веткам,
Ни художеств стужи на стекле.

В вербной светизне воспоминаний
Улицы изъезжены до дыр,
Вечные дензнаки препинаний
Перед входом в параллельный мир...

В тесной забегаловке отгаешь.
Отпотеет на ресницах тушь.
Зря ты третий раз меню листаешь.
-Кофе нам, без сахара к тому ж!

И давай расстанемся, покуда
От зимы болезненно слабы.
Вёсны начинаются с простуды,
А выздоровление - с любви.

Не скучай! И без обиды чтобы...
Но едва объятия разжал -
Злая дрожь морозного озноба
Перешла в волнение и жар.

Ливнями прилизанные травы,
Вылиняв до мягкости льняной,
Серыми морозными утрами
Пахнут боязливой белизной.

Осени ольховые запястья
В перехвате тоньше, чем твои..
Господи, избавь меня от счастья
Первым разувериться в любви.

И хотя от радости и боли
Я немел и слеп, бывало, но
Не молил, чтоб жизнь перемолола
Золотое время в толочко.

Окрыляла и любовью крепла
Воля, неподвластная огню.
Я тебя в золе моей и пепле
Угольком мерцающим храню.

Одинокая ель
В хлопьях тихого снега -
Непроглядный туннель
Во вчерашнее небо,
Где и солнце, и синь,
И листва золотая,
На двоих одна жизнь
Без начала и края.

Слава Богу, я стал независим
От её не отправленных писем,
От ночных телефонных угроз,
От обильно обещанных слез.

Поняла, бесполезно в июне
Распускать тяготящиеся юнии-
Мир распахнут, глазаст и цветущ.
Только радуги льются из туч.

Поезд нес меня, грохал на стыках.
Сердце вторило рельсам: а ты как
Без нее, сумасбродной чуть-чуть?
Ничего, как-нибудь, как-нибудь...

От её агрессивных капризов,
Что звучали как ревность, и вызов:
«Не позволю», «не верю», «не жди»,
Становились кошмарами дни.

А теперь, ни тоски, ни восторга,
Одиноко и немотно, только
Нарастающий постук в крови:
Позвони, позвони - позови.

Слово

Слово вытащить нельзя -
Мигом выхватят друзья.
Кто в зубах, а кто в ладошке,
Кто всерьез, кто понарошку,
Станут мять, щипать и есть...
А у слова ж сердце есть!

Книга

Открыл и понял: с маху не прочту.
Дождусь, когда пронзительно мерцая,
Закат зажжет осеннюю звезду
И суета уляжется дневная.

Внимательно да исподволь на цвет,
На вкус и вес ощупываю фразу.
Не часто позволяет мне поэт
Не угадать, чем мысль закончит, сразу.

Когда уходит почва из-под ног
И шаг - другой я сделал поневоле,
Мы с автором присядем между строк
Помыслить о свободе, правде, боли...

Он в сокровенных таинствах своих
До самого отчаянья развергся.
И дышит веком, ветром, верой стих
С невыразимой музыкою сердца.

Она звучит светла и дорога
Любовью, озаряющей страницы.
И вот уже последняя строка...
А музыка все длится, длится, длится...

От наплыва мороси свежо
И тенета в матовых накрапах.
Из туманной зелени еще
Сеется черемуховый запах.

Птичья, переливчатая рань
Нам приоткрывает понемногу
Небом позолоченную рябь,
Мглой посеребренную осоку.

Свет вдыхая, выдыхаем сны
С городскими тяжбами и гарью,
От которых нынче спасены
Кровною, родительскою далью.

Замер век в целительной красе
Без тоски и пыльного налета,
Не колотит по мозгам шоссе,
Не режут сквозь душу самолеты.

Пусть всего мгновение одно
Постоять вселенскому затишью,
Но зато почувствовать дано
Счастье, называемое жизнью.

Приезд

От пива, котлет и яиц
За утро проветрен поезд.
И ты начинаешь поиск
Знакомых по детству лиц.

За окнами будто назло
Совсем непонятные лица.
И даже отчаянно мнится:
Туда ли тебя занесло?

И странен не только вокзал -
И мама похожая мало.
Едва узнаешь. Но узнал.
И сердце на место встало.

Потом уже с нею в связи,
Под охи и ахи, и вскрики,
Как будто у света вблизи,
Родни проявляются лики.

Сестры-погодки Тамара и Аня,
Тетка и мама моя - за столом
То засмеются, меня вспоминая
Неслухом юным, то плачут тайком.

Ну, расскажите о том, что не помню!
Ну, поделитесь далекой бедой!
Дайте попробовать памяти с болью,
Хлеба того пополам с лебедой!

Но отмахнется от просьб моих тетка,
Мать отведет озабоченный взгляд...
Глупый свидетель забытого, только
Грустно молчу да смеюсь невпопад.

Слово вполслуха да ласка вполсилы -
Слезы покажут да спрячут глаза.
Все-то стараются, будто забыли
То, что никак забывать им нельзя.

Над некошеной травой
Веселее солнце,
На ромашку выше зной,
На стрекозу - звонче.

Я среди родных примет
Стал моложе даже
На студеных тридцать лет
Северного стажа.

Раз-другой махнул косой
И пахнуло детством,
Среднерусской полосой
Меж судьбой и сердцем.

Отец был несдержан, но тверд.
Чуть что не по нраву: прощайте...
Раздарит пожитки в общаге,
В охапку семью и вперед.

Поселки, бараки, балки,
Соседи, обои по стенам...
Но было одно неизменным –
Медвежье дыханье тайги.

Входил вперевалку, в сених
Выбрякивал рукомойник...
Редел за окраиной хвойник,
Мелела вода в берегах.

От смены селений и школ,
И ранних уроков взросленья,
Я выбился из поколенья,
А новому не подошел.

Там в пятидесятых годах,
На вырубках, хрупок и редок,
Поднялся мой лес-однолеток.
А я в его хвойных рядах.

Бард

Еще не уехал,
а песню сложил
о том, что уехал.
Еще не расстались,
уже затужил
по звездному эху,
ночлегу в палатке,
листве на ветру,
компании тесной...
Куда-то с гитарой
уйдет поутру,
воротиться с песней...
Еще не уехал,
но время идет -
кончается отпуск.
И двери ему
широко распахнет
попутный автобус.
Ладони тугие
от хвойной смолы
в пожатие сцепим...
Как песню от песни,
судьбу от судьбы
не сразу отлепим.

В разлуке

По карнизу капли в очередь
К водостоку.
И летит сырая отеребь
На дорогу,
Затыкая в лужах пасмурных
Ключья неба.
Ты стоишь в дверях распахнутых,
Коченея.

Проводила или ждешь кого?
Не тебе ли
Машет с катера ладошкой
Тот - в шинели?
Будут вороны над памятью
И тревоги.
И ноябрь прилипнет наледью
На протоки.

Спеленает вьюга наглая
До поселка
Путь снегами глухо наглухо.
И поземка
Будет штопать между письмами
Аккуратно
Одинокий след твой к пристани
И обратно.

Из бодрого хвойника vybrели
На сохлый и рыжий пустырь,
Где люди машинами vybrили
За месяц столетнюю ширь.

И в тиxости марсева тусклого,
Прикрывшего мертвую плоть,
Казалось, незримо присутствовал,
Стоял между нами Господь.

Когда обходили подавленно
В завалах опавшую высь,
Казалось, нас Он останавливал
У вывернутых корневищ.

У кедра беспомощно голого,
С пронзительным сколом ствола,
Ушел, опечален, но боль его
Теперь уже нашей была.

Санаторий

Живу как Бог, почти на небе,
На двадцать третьем этаже,
Совсем не думая о хлебе,
Как и об отдыхе уже.
Когда подножье ночи южной
Покрыто плитками окон,
Идет из памяти недужной
Какой-то гул со всех сторон,
И стук дождя, и запах яблок,
И звон осы, и стон сосны...
И вместе с морем с боку на бок
Ворочаюсь, катая сны.

На море

Зелень периста, разлаписта, резна.
Ливни разбавляли то и дело
Запах прелости и кислого вина
До неощутимого предела.

И невольно продлевали до восьми,
Отбивая птичьим перещелком,
Время сна и осознания весны
И еще, чего не знаю толком.

Ты вбегала глуповато весела,
Как напоминанье о вопросе:
Почему на юге поздняя весна –
Лето одновременно и осень?

И роскошно осыпаются плоды,
Тяжелы цветы, а грозди ягод –
То оранжевы, то сини, то желты –
Мне не перепробовать и за год.

Сердцевидна земляника – из кулька
С видом сердцеедки угощала.
Провожала до последнего угла,
За которым странно исчезала.

Под ногами обжигающий песок,
Сверху солнце, режущее плечи.
И окликнуть бы да голос пересох,
И запить обиду тоже нечем.

В голотелом многолюдье второпях
Поиск унижителен и странен.
Почему я на любовь твою в правах
С морем вызывающе не равен?

Летим. Трепещет озерко
Среди болотной ржави.
Как распахнулось широко
Родное полушарье!

А память сузилась на миг
До хвойного поселка,
Что был отчаянно велик
Для боли и восторга.

Но туча мрачные крыла
В полнеба распластала.
И мать, тревожна и светла,
Меня к себе прижала.

Кромсало молниями мрак
В окне почти что рядом.
И выгорал ребячий страх
Под материным взглядом.

Долгий бег на месте

Жил в общаге и бараке,
В четвертушке щитовой,
Жил при свете и во мраке,
Жил в отеле на Тверской,
Жил в вагонах, на вокзале,
В переходах на метро,
Жил на сельском сновале,
Где пахуче и пестро.
Жил в казарме и палатке,
Жил в бревенчатой избе,
Жил ни солоно, ни сладко,
То в смиренье, то в гульбе.
Жил в дурдоме и больнице,
Жил под скальпелем врача,
Жил в деревне и столице,
Жил со зла и сгоряча,
Жил обманутым и битым,
Жил в редакциях газет,
Жил ненужным и забытым,
Жил как бомж и как поэт,
Жил с деньгами и долгами,
Жил в рыбацком шалаше,
Жил с друзьями и врагами,
Жил с сомненьями в душе,
Жил с татарами и коми,
Жил в Перми и Костроме,

Жил в глуши и на пароме,
Жил по-царски и в дерьме,
Жил и верил простодыро
В коммунизм и ЦСКА,
Жил, чиновного мундира
Не примеривал пока,
Бестолково жил и с риском,
Жил и в шубе, и в плаще...
И прожив полвека с лишком,
Вроде не жил, вообще.

Зрелые ливни августа
К северу накренься,
Густо замесят нагусто,
Длинно размажут грязь.

В невозмутимой зелени
Жарко проступит ржа.
Сизым дымком застелены
Выверты Иртыша.

Непроходимо омутны
Сумерки по логам.
До черноты протоптаны
Выброды к берегам.

Пестрое время отпуска.
Лодка. Палатка. Тишь.
В пламя заката-отблеска
Дольше меня глядишь.

В заводях нашей осени
Дело идет к тому -
Ветер расчистит до сини
Лезвийную кайму

По берегам и на зиму
Определит нам тот
Угол гусиный - азимут,
Наших путей разлет.

Что бы ветер ни выделявал с листвою -
С боку на бок перечесывал, с дождем
Суматошно перемешивал, а той,
Терпеливо молчаливой, нипочем.

Только в августе заропщет, между тем
Как душа в своих сомненьях начеку,
Неожиданно смиряется, но с чем? -
Одновременно противясь, но чему?

Днем сумятица золотошвейных пчел
Над травую с паутинным молоком,
И стихи, что даже другу не прочел,
С подоконника смахнуло сквозняком.

Возвратятся, только заново начну
Перелистывать былое день за днем,
Безоглядно восторгаясь, но чему? -
Одновременно печалюсь, но о чем?

**Из цикла
«КОСМОС НАСЕКОМЫХ»**

Паутина

Растопырил пятно
На ветвях паук.
Для дождя - решето,
А для мух - каюк.

Сам себе нить

Червяку недолго
Огород прошить -
Сам себе иголка
И живая нить.

Про косточки

Какие побеги вышли
Из косточек сливы и вишни!
А вот из куриных пока -
Ни курочки, ни петушка!

Тараканий пляс

Как одолеть тараканью ораву?
Вон, не боюсь хозяина,
Мало того, что едят на халяву,
Печку без спросу заняли.
Что ни затею, в любое дело
Лезут в усатом виде.
И не стерпел, хлорофосом в щели
Брызнул: а ну, пляшите!
И тараканы бочком да вприсядку,
С вывертом да с разбежки
Всею оравой пустились в пляску
С выходом из-за печки!

Подсолнух

Подсолнух поднялся телом,
Хотя и в дожди, и в зной
Одно упражненье делал -
Вращение головой.

Божья коровка

Откусил полклюквы,
Выплюнул - кисла.
А она, подлюка,
Вижу - поползла!

Медленный танец

Если бы ускорить наше время
Втрое, то увидел бы впервые -
Дервишами кружатся деревья,
Кольца нарезаю годовые.

Железное яблоко

Когда узнал, что есть
Железа много в нем -
Решил его не есть
А сдать в металлолом!

Денежное дерево

Денежное дерево однажды
Подарили мне на торжество.
И теперь я жду, когда, когда же
Листопад начнется у него.

Лужа

У подъезда лужа,
Словно половик.
Обойти по суше
Каждый норовит.
Сколько понаташим
Грязи на ногах,
Почему-то старшим
Не понять никак.
Для кого же послан
Чистый половик,
Если ходим возле,
А не напрямик?

Эксперимент

Головастики из меленькой болотины
Пятиклассник запустил в дрянную кадку.
Не успел открыть учебник биологии -
Лягушата уже прыгают в присядку.

Кузнечик

На траве он неуклюж как будто.
Но только-только наклонись -
В нем срабатывает катапульта
И крылышки уносят ввысь.

Трудяга

Серебристо цепки
Шарики репья.
На паучьей сетке
Блики от ручья.
Деловито четко
Трудится паук -
Сам себе лебедка
И подъемный крюк.

ГОД КАК ЖИЗНЬ

*Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой - душа и мысль моя.*

Афанасий Фет

*Два мира есть у человека.
Один, который нас творил.
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.*

Николай Заболоцкий

В одной руке – медный пятак 1953 года, в другой – алюминиевая пятикопесечная монетка 2003 года. Между этими датами – моя полужизнь. Как она подешевела!?

Отзвенели длинные новогодние праздники с маскарадами, фейерверками, застольями, цветами и подарками, гаданиями и гороскопами, обещаниями и надеждами, разочарованиями и обретениями, итогами и мечтами. На улицах еще долго будут сверкать лампочные гирлянды, а в витринах магазинов торчат деды морозы, снегурочки, елки, снежинки и атрибут

нового года по китайскому гороскопу: дракон или змея, бык или лошадь и т.д. После старого нового года на мусор выброшены облезлые с остатками украшений хвойные деревца. Жизнь вошла в привычную будничную колею. Отпустили рождественские морозы, посыпался иней с деревьев, разурмяненных то ли поздним рассветом, то ли ранним закатом. И видно как по веткам, тончайшим капиллярам, опутавшим небо, пульсирует кровь нового года. В утреннем воздухе поблескивает, сыплется невесть откуда иней.

Вербной сыростью опахнула душу первая оттепель, проталинной надеждой воссияло небо. Хочется заглянуть далеко-далеко за снежные березняки и хвойно-рыжие массивы. Не столько за зримое, сколько за свои душевные предчувствия, общасмой политиками жизни. Конечно, повысятся цены на все необходимое, конечно, будут неожиданные, тьфу-тьфу, потери. Все же возраст моих знакомых уже далеко за пятьдесят. И как сказал один из них, до 2050 года вряд ли кто из нас доживет. И все же. Сам не понимаешь откуда, но крепнет чувство: как бы ни морозило, ни скребло стужей по скулам, планета все неумолимее наклоняется к добру, теплу и свету тем своим боком, где живст, утонув по шапку в зиме, мой

сибирский таежный городок. Многое меняется во мне и рядом, но что-то неколебимое стоит, овеваемое то нежностью, то грустью. Что это - душа? Судьба? Россия?

Февраль балансирует между зимой и весной, то морозом выведет окна, то оттепелью выдавит скупую слезу, то завьюжит, стирая поземкой следы и дороги.

Скособоченные стопки снега на крышах, караван на столбах, пышки на штакетинах. Ярче голоса и ближе к жилью шустрят синицы, ковыряются в пахучих, свежерасколотых дровах. Серым днем ели по вдовьи черны, а сосны темнохвойны, солнечным - добродушно рыжи. Гуще становится от теней в перелеске. Сугробы еще сухи и чисты, но уже заметно уплотнились. Дорога до блеска отшлифована машинами, в ее зеркале мелко сереют многочисленные оспины. Непоправимо весенним ощущается глазами солнце. А в сумерках нет-нет да и потянет мучнистой пылью по обочинам, а то комариным инеем облепит ветви. Начинается внутреннее томление: и писать не пишется, и бродить не бродится, и сам не знаешь, чего хочешь.

В целлофановом пакете, брошенном на дороге, ветер пересыпал горсть хлебных крошек. Воробей прыгал вокруг, приноравливаясь поклевать. Порывом раздуло пакет и воробей, не раздумывая, скакнул вовнутрь. Ветер стих и мешок ослаб.

- Попался, рыжий!

Так в пакете и принес его домой. Воробей сразу почувствовал открытую форточку. Как только вытряхнул его, вспорхнул и сел на краешке. Заметил, хитреньш, на столе рассыпанную крупу и не улетал. А может и понял, что я его неволить не стану: захотел, пожалуйста, лети. А домой принес лишь потому, чтоб хоть с какой-то живой душой разделить одиночество свое.

Ходил в лес набираться покоя и воли. Правда, не лес, а парк, сдавливаемый со всех сторон новостройками, перерезанный тропами и лыжней. Но и такого достаточно, чтобы умиротворенно трезвым подышать среди сосенок и березок, выглядывающих из-под снежных капюшонов. Сызмала привык, что рядом растут деревья, поют птицы, идут снега и дожди. Соседство с ними настраивает на добрый лад, и мысли сами находят слова, интонация - музыку, душа - собеседника.

От мелкого колючего дождя снег съехался, а река быстро поднялась из промоин, обсаывая желтый лед через рыбацкие лунки. В низинных зарослях за клубился туман и на берегу запахло горьковато-свежей прелью, сырой гнилью, смолой и мхом. Мы стояли под кособокой сосной и слушали, как мир и мы с ним, наполнялся будоражающим чувством перемен. Я заглянул в твои ошарашенные глаза и увидел хвойное небо с восторженно золотыми проблесками. Не забыть чувство новорожденности!

На обратном пути туман боязливо переползал дорогу, заполняя собой низины, просеки, вжимаясь в просветы между деревьями, растекаясь по матовой линзе болота.

Через некоторое время мы плыли в облаках, которые плавно превратились в крупнохлопяной снегопад. И когда въехали в город, поняли, что снова вернулись в зиму. А весна, пережитая нами? Наверно, приснилась.

Назавтра из ослепительной близны на солнечной стороне крыши оплавленно вытянулась капля, а за ней – сосулечный сосок. К обеду задрбило частозвонно с крыш, выдалбливая вдоль окон узкую глубокую дорожку.

На припеке обочины оцетинились грязно-стеклянным мхом. Тяжело осел снег в огородах. Слюдяной пленкой подернулись следы в лесу. Засияли и запестрели улицы. Обострились чувства. И вытаивают из памяти какие-то невнятные обрывки воспоминаний, которым нет ни начала, ни конца.

Повалил снег и лужи вяло потемнели, а черствая горбушка сплюснутого сугроба в дальнем углу, рыхло побелела. Огородный мусор, собранный граблями, дымил, не хотел разгораться и я, исчиркав спички, отступился. Закурил. Но и папироса после двух затяжек погасла. Досада, вызванная этим, и неудовлетворенное желание сделать что-нибудь полезное, постепенно растворились в снегопаде. И я понял, чего хотел с самого утра, прибираясь в огороде, подравнивая поленницу, тщетно пытаясь починить штакетник – гвозди подло гнулись – ждал этого белого покоя, чтобы остановиться: слушать и наслаждаться бездельем.

Осторожно идет апрель - никому не верь. Окатит теплом и, ужаснувшись видом оттаявшего мусора, хлама, бутылок и банок, вновь присыплет стыдобу снежком. А на ночь при-

морозит сочную слякоть до сухаристого хруста. И все же время свое берет. На подоконниках зазеленела рассада. Солнце выдавливает из только что сооруженных полениц пахучие липкие слезки.

Сошел снег и как впервые: желтые зрачки мать-и-мачехи возле теплотрассы, запашистый дождь, сухота нагретых бревен, зыбкий мешочек комаров, взрывающийся мухами солнце-пек.

Копеечной листвой зазеленели березовые подлески, где и серопепельные пучки трудно распускающейся рябины и коротко подрезанные щетки лиственницы. По обочинам распластались резные короны одуванчиков, тонкими шильцами прострочена прошлогодняя лиственная опадь. Под окном черемуха вывалила свои нераскрытые соцветия и замерла, пережидая непогоду, чтобы при благоприятном тепле разневеститься.

Май разнопогоден. Досталось нам от него и солнечного загара, и дождя по три раза на день, и снега невероятной холодности, и грома неожиданного, и мимолетной радуги, и пыльных метелей по улицам, и клубов дыма с огородов,

и запаха свежей краски, и стука строительных молотков, и сырого духа вскопанной земли.

Весной день год кормит. Тянется с утра вереницей на дачные участки, кто авто- кто пешим ходом с инвентарем и посадочным материалом городской люд. Жарко задышали обтянутые целлофановой пленкой теплицы и парники. Засветились новые штакетины в поредевших за зиму заборах. Жизнь входит в берега земледельческого и ремонтно-строительного сезона.

Каждой весной повторяется одно и то же. И все же всякий раз ждешь новизны. И видишь мир и себя, отраженным в нем как бы одновременно. Так бывает, когда смотришь в окно ночного поезда: сквозь твой силуэт пролетают деревья, огни больших и малых селений, звезды небесные и лица толпящихся на перроне. То откликаешься чужой радости, то от своей тоски не знаешь куда бежать, то битком набит впечатлениями, то внезапно ощущаешь бездонную пустоту. Чем дольше живешь, тем больше невидимых нитей, которыми связан со своим народом. Потянешь за одну и въяве увидишь себя лежащим в разнотравье среди ромашек и клевера, гуда шмелей и птичьего пересвиста. И возродится в тебе желание жить, как в детстве, долго-долго, насытиться весенне-летним

цветением, вобрать в себя все краски и соки, и запахи земные в пору зрелости природы, а осенью разразиться полновесными плодами, чтобы зимой спать легко и спокойно. Не сбить нас с этого лада рекламным чужестранным праздножитием, где времена года размыты, а то и вовсе круглый год одно лето сплошное. Мы же как-то всенародно радуемся весеннему потеплению и первому предзимнему снежку, многосугробной зиме и высокотравному, щедрому лету. Может быть, еще и потому для нас порой сводка погоды на предстоящий день важнее политического климата в стране.

Тяжелой сочной зеленью наполнились леса, зашумела под ветром многолиственная масса, в которой гнездятся, хоронятся и кормятся сонмы насекомых, птиц, зверья. Куда ни глянь, куда ни ступи - повсюду летает, ползает, прыгает, гудит и поет разная живность. Оттого и воспринимаешь Землю как единый организм, существующий по закону - вскормить и продолжить свой род во времени и в пространстве. Случайно сдвинешь бревно, на котором перекуривал, и увидишь: жук-щелкунец притаился, рыжая приплюснутая многоножка

засуетилась, медленно втягивается в почву дождевой червь...

Самый долгий день и самая короткая ночь. Разглаживаются сморщенные кустики картофеля. Кому-то уже пора окучивать. Лето проходит, а не могу насвежо его принять, только замедленно и равнодушно отмечаю про себя: рябина отцвела, завязались зеленые бородавки на помидорах, шмель, как новорожденный, неуклюже ползает по цветку. Сорвал лебеду и она тут же нежно ослабла, поникла крахмальной зеленью. Уходит лето, меняется необратимо окружающее, спохватываюсь посмотреть, а оно уже не то. Старею, видимо, потому как не чувствую жадность, с которой прежде жил, пил захлеб, пел до слез, любил безрассудно, уезжал безоглядно, работал в радость, верил, что своей писаниной кому-то могу помочь. Напрасно! Письма друзьям забыл когда последний раз писал и от них не получаю вестей, а уж свидеться когда - и не чаю. Круг интересов сужается, круг общения тоже. Состояние смутной тоски и тревоги стало почти постоянным. Старею и потому ближе держусь к вечному, к тому, что не подведет, к природе, земле и любимым книгам. Старею и сознаю, что не построить уже дом, не погостить у дальних родственников и еще много-много наберется

других «не». Явно, что я уже где-то включен в цифру издержек экономического кризиса. Да, я хожу по улицам, приветствую знакомых и покупаю хлеб и молоко, но торговцам я интересен как имеющий «наличман». Как человек, носитель какой-то духовности или знаний, я никому не нужен. Даже грабителю я интересен, как имеющий деньги. Если кто-то вспоминает обо мне, то интересуется подспудно моей пенсией, если кто-то знакомится, то гадает, какую пользу можно извлечь из нашего знакомства. И веселимся мы за деньги, и болеем за деньги, и всем другим занимаемся не без корысти.

И постепенно мы становимся тем, насколько платежеспособны. Как люди думающие, сомневающиеся, радующиеся, грустящие, творящие, созидающие, неповторимые теперь не нужны. Друг другу рассказываем то, что вдалбливает в нас методично и нагло телевидение. Сопrotивляемся этому, но все слабее, не хватает духу выключить. А за окном по-прежнему идут дожди, шелестят деревья, поют птицы и жизнь продолжается.

С удивлением узнал, есть еще люди в наших селеньях, что остаются в стороне от увлекательного и полезного сбора дикорастущих. Для них проще купить ягоды на рынке. А это все равно, что жить в Москве, а гениальные спектакли в ее знаменитых театрах смотреть по телевизору. Не обкрадывают ли они самих себя, не прикасаясь к природе и ее дарам своими руками, глазами, душой? Простые радости, из которых складывается микроклимат повседневности, весьма влияют на наше настроение и характер, и порой действуют сильнее, чем увиденные по телеэкрану ураганы и землетрясения, красоты южных островов.

Тем дорого наше северное короткое лето, что на «халяву» можно набраться и грибов, и ягод, и кедровых орехов. Да и выходы-выезды в тайгу семьей обычно долго помнятся. Но об этом мы сожалеем, когда лишаемся возможности бывать в лесу из-за хворей или невозможности выбраться из каменных городских лабиринтов.

Нынче почти одновременно появились грибы в борах, созрела жимолость и морошка. Крупные черные плоды жимолости с голубовато-сизым налетом и приятно горьковатым

вкусом больше знакомы уральцам. В нашем районе, насколько мне известно, на площадях, пригодных для сбора, она встречается в окрестностях Зеленоборска и Пантынга. Зато морошку можно встретить почти везде по окраинам многочисленных болот и в заболоченных сосняках. Плоды ее янтарно-желтого цвета, кисло-сладкого вкуса со слегка пряным ароматом. Собирают ягоды несколько недозрелыми, то есть румяно-желтого цвета. Иначе, став медовой, нежно мягкой, она доставит вам хлопот с транспортировкой и переработкой. Пока собираете морошку, заметите как по обочинам низины, вперемешку с багульником, легким туманцем стелется голубика, все более и более набираясь синевы и сочности. Через неделю-две придет и ее пора.

Который раз за лето, отправляясь за грибами, берем знакомую. И всякий раз она выходит к машине с эмалированным ведром. Вроде сейчас есть более легкие, пластмассовые да и плетеную корзину купить на рынке не проблема, нет же, опять в ее руках это тяжелое, скрипучес ведро.

Не выдержал: что, другой, более удобной и легкой посуды нет?

Она смущенно ответила, что плохо ориентируется в лесу, а скрип ведра хорошо слы-

шен и потому, ее в лесу не потерять. А ведь правда, про себя усмехнулся я, по ведерному звуку я легко узнавал, где она находится, да и сам себя чувствовал увереннее, когда слышал рядом бряк знакомого ведра.

В начале августа созревает одна из популярных у нас ягод - черника. Ее встречаешь зарослями, в сыроватых хвойных лесах, а также по окраинам болот. Правда, этим летом ввиду холодных дождей в разгар ее цветения урожай был негустым.

Все эти ягоды всего лишь разминка перед главной - брусникой. Зачерпнешь пригоршней исчерна красную кисть - полстакана. Час-два поползаешь, глядишь, пайва полнехонька. А пайвы, как известно, меньше двух ведер никто не изготавливает. На открытом месте ягода мельче, но слаще, в борах крупнее и сочней. Каким бы худым ни было лето, никогда без брусники не оставались. Всегда найдутся места, где ее завались. В каждом деле есть свои спецы. Среди ягодников тоже. Знал таких, что руками «доят» быстрее, чем иные «комбайном». В те времена, когда бруснику принимали на дефицитные товары - ковры, холодильники,

хрусталь, мотоциклы и машины - находились ударники, сдававшие за сезон более ста ведер. Почему говорю ведер? Потому что у нас ни в литрах, ни в килограммах ягоды не меряют, что говорит о большом запасе этого добра.

О пользе брусники говорить не надо. Каждый, кто маялся с похмелья, давно ее оценил. Не зря за брусникой к нам едут из соседней области. И поверьте, не все и не всегда с целью обогащения, чаще - обеспечить себя и своих родных ценным кулинарным и целебным сырьем. Не я один в период дешевых почтовых услуг отправлял посылки с ягодой знакомым и родным. Знаю даже бывших заочников, которые благодаря нашей бруснике сдали труднейшие экзамены в вузах. И с гордостью об этом рассказывают во время передыхов на ягодных плантациях.

Только перебрал бруснику, засыпал сахаром, поставил на зимнее хранение, как наступил черед сбора царской ягоды - клюквы. Ее можно собирать до самых морозов и даже по весне, едва сползет снег с болотных кочек. Краснобокая красавица отлично сохраняется.

Видел я клюкву на столичных прилавках. Сердце ныло от жалости: лежит горой на подносе, помятая и потекшая, с ценником в круглую сумму среди импортных фруктов в ярких

упаковках. И вспоминал ягодную россыпь по мху и траве среди карликовых березовых зарослей. Трудно ее собирать, но не только ради клюквы спустился в болотную чашу, окантованную соснами и облаками. Пока выщипываешь по ягодке из травы - о чем только не подумаешь, от каких только скверн не отойдешь. Умеет осень даровать спокойствие и благодать особую.

В конце августа резко похолодало, зашумело в беломошном бору, защелкали иголки, зашелушилась кора, сыро запахло ольховой горечью. Лужи на лесной дороге успокоенно зазеленели. А утром солнце так прыснет сквозь хвою, так плеснет по листве, так глубоко сунется в низинный сумрак, что дотянется в душе до глубинной памяти и любви ко всему сущему. И опустишься на присыпанный листьями пенек и отрешенно слушаешь: себя ли, тайгу ли, время...

Не помню такой лиховерти в сентябре. Бывали внезапные метели, обрушивались снегопады, но такой неистовый, леденящий ветер с мелкой, секущей крупой – впервые. Не месть ли это за вырубленную тайгу? Мой щитовой

дом стонал и скрипел ржавыми гвоздями. Казалось, к утру рассыплется. Нет, устоял, и даже антенна удержалась. Спал кошмарно, отходил от пьянки, поэтому непогоду воспринимал как личную драму. А утром как ни в чем ни бывало выглянуло большое тихое солнце. В коридоре возле дверной щели косая пирамида плотного снега, а на деревьях листья перегнало с северной стороны на южную.

Самые замечательные дни для рыбалки. С утра непроглядный туман, а может иней, - предвестье хорошей погоды. Бросай все, мчись на реку! Омута небольшой таежной речушки Умытьи наполовину покрыты березово-осиново-ивово-черемуховой листвой. Кружится пестрый хоровод. Тихо и солнечно. Только мелкие птицы стаями носятся по кустам и вершинам, откармливаясь, перелетая все ближе к югу, на долгую зимовку. Умиротворение - это слово более всего подходит к душевному состоянию.

Сентябрь у нас самый яркий и жаркий трудовой месяц. Надо навести порядок на огороде, картофель ссыпать в подвал, сделать заготовки овощей впрок. Не забыть съездить в березово-ольховый молодняк за груздями. Какое это удовольствие! Запах увядания и грибной свежести стоит долго в лесу. Прися-

дешь на бревешко, когда в корзине уже и подосиновики, и боровики, и маслята с хвойными иголками, листвой и случайно заброшенной шишкой, посмотришь в синь между сосен и неожиданно родным почувствуешь мир, будто не ты в нем живешь, а он в тебе болит, радуется и переживает от нехватки кислорода, и будто в тебе торчит этот ржавый остов трактора, оставшегося от времен героических лесозаготовок. Наш район в год вырубал миллионы кубометров леса. Три Героя Соцтруда и десятки заслуженных орденосцев. Меня сейчас утешает только то, что мы с ними ездим на те места, где они бушевали на тракторах, за грибами и ягодами. Они себя не чувствуют покорителями тайги, скорее отбросами. Редко кто из них дожил до семидесяти: лесовозники, чокеровщики, пилоточи, вальщики.... В пятьдесят им закон прописал уходить на пенсию, они уходили в этом возрасте на тот свет.

На небольшом мыску рыбной речки Ендырь над зарослями черемухи и смородины, шиповника и тальника возвышалась седая поковерканная береза возрастом более двухсот лет с давно обломанной вершиной. Когда дерсву было, думаю, около века в макушку ударила молния, разряд прожог, прошел вдоль белого тела так, что лопнула толстая

береста, и ушел в землю. Медленно залечивалась рана, приходила в себя береза. Сейчас по длине стремительного шрама обвалом надела новая древесина со свежей корой, рядом образовались массивные волдыри и наросты капа, как отметины внутренних переживаний и драм. Выглядела старая береза огромным оплывшим огарком свечи. Только на верхней боковой ветви теплилось пламя осенних листьев.

Половлю окуней, подумаю о своей жизни да нет-нет и оглянусь на ее судьбу.

Первые дни октября выдались на редкость чистыми и высокими. Листья, обрызганные росой, ярко слепят на солнце вместе с обнаженными стволами берез и сосен. В дорожной колее охалка ржавого шелеста. Даже зелено-желтые листья на макушках тополей крупные, с ладонь, осыпались. И еще сам не понимаешь, что произошло то ли с окружающим, то ли с тобой, но неожиданно видишь дальше, сквозь березняк, различаешь крыши дальних домов, и на миг теряешься: тут ты или не тут, знаком ли тебе или не знаком этот мир. Еще мгновение назад он был знаком в подробностях, и вдруг

что-то в нем изменилось, не находишь привычного.

Уже заморозки по утрам. Закат перед морозом тревожно темный, глубоко западывающий за горизонт. А утро наоборот - навывкат, тихое и ясное. Хлюпают лужи под подошвами и колесами. От овощных магазинов пахнет подмороженной капустой. Вот-вот ляжет на мерзлые куски грязи снег. Стая свиристелей с легким посвистом летает по дворам, обклеывает рябины.

К середине месяца осень окончательно выцветет, вылиняет до льняной светлоты осока, опавшие листья смешаются с землей, болото станет светло бурым, зеркало в середине его потемнеет. Даже в ясные дни сохранит замкнутую холодность. В глубине березовых перелесков будет долго еще зеленеть брусничник и пирамидки небольших елок. И только золотистая лиственница ждет первого снега, чтобы обрушится на него тихой хвойной тенью.

В этом году снег лёг накануне Покрова, после холодных промозглых моросей. Первые температура упала до минус трех. Рябины согнулись под тяжестью гроздей и снега на них. Днем, едва проглянула пронзительная синь между рваных туч, именно, туч, а не облаков, прилетели со звонким попискиванием

свиристели. Сначала облепили черемуху, обклевали, а больше рассыпали ягоды по снегу и тротуару. Вкусно хрустели черемуховые орешки под подошвами. Рябины почти не тронули, видимо оставили на поздние, более голодные времена.

В октябре из деревни приезжает теща, день-два и бежит с утра пораньше в больницу, пожаловаться на здоровье, заpastись лекарствами, а больше всего, узнать последние новости.

Ох, и любит у меня теща болеть! Чуть что, сразу же готовит снадобья, траву заваривает, горчичники ставит, температуру меряет и давление. В мешке у нее уйма всяких флаконов, пузырьков и коробок с таблетками. Для меня темный лес, а она в них, как рыба в воде.

Как-то сгоряча зимой на крыльцо выбежала в одной кофте да после чая с малиной. Бдительность потеряла! На другой день заговорила полусшепотом, температура подскочила. Врач скорой помощи сказал, что нужно на прием к терапевту, возможно воспаление легких. Тещу как подменили: согнулась, заприседала на обе ноги, запричитала во весь хриплый голос: пневмония, могут положить в стационар. Чуть жива пошла проходить флюорографию, взяла талон к терапевту. К обеду вернулась из

больницы уже более-менее бодрой.

-Подтвердилась пневмония-то?

-Нет, бронхит, - а чтобы как-то оправдать свои предыдущие причитания, добавила, - Но очень сильный.

Вчерашняя слякоть спеклась в комковатый лед. Чуть потеплело и повалил снег. Последний месяц осени, но ничего осеннего уже не видно. Недавней метелью засыпало всю траву в огороде. Разноступенчатые крыши домов светлы, сливаются с пасмурным небом. Еще держатся на крышах недлинные осенние сосульки, но скоро они отмерзнут, ветром собьет. Все меньше красок, все меньше дня. Все больше суровых примет зимы. Держится температура в 10-15 градусов. Как всегда перед поездкой на рыбалку, думаю, брать или нет летние удочки. Возьму и, как всегда, зря. Уже на омутах десятисантиметровый лед, который, говорят, лошадь выдерживает. Конечно, на течение льда нет, но там и мелко. Все же как неизнаваемо интересно снова рыбачить в тех местах, где летом выуживал окуней и сорожек. Не до большого улова. Просто знаешь, где и в каком месте коряга, не дай Бог зацепишься. Да

и не за рыбой едешь - на рыбалку. Отдохнуть. Поглазеть сквозь пунцовый кустистый березняк противоположного берега. Удивиться, что за ним начинается болотце, а дальше на возвышении с два десятка случайно сохранившихся двухсотлетних сосен. В начале ноября очень много примет схожих с февралем. Поздний рассвет, серый день и желтый закат. А иногда все небо затянет однообразно непроглядной пасмурью и потянется по наезженным дорогам поземка. Вот-вот и пойдет плясать метель, срывая снег с деревьев и крыш. И только нет радостного февральского чувства после пережитой зимы.

Давно заметил, в конце ноября обязательно наступает резкое похолодание. Мороз в 20-30 градусов держится дня три-четыре. Будто готовит нас к суровой зиме. Испытывает на морозоустойчивость.

Снег сверляще сух и звенящ под каблуками. Держаться двадцатиградусные морозы. Чуть потянет с севера, сразу невероятно обжигает щеки. Мелким инеем вычерчены силуэты деревьев, подсвеченные низким отуманенным морозом солнцем. День ото дня все длиннее

инистые перышки на деревьях.

Не так дни, как ночи запоминаются в декабре. Долгие, глубокие, звездные, студеные.

Главное, дожить до зимнего солнцеворота - 22 декабря, а там день начнет прибывать на воробьиный скок. Солнце поворачивается на лето, зима - на мороз, медведь в берлоге - на другой бок. И начнется суетливая подготовка и томительное ожидание новогодних и рождественских праздников.

Содержание

В октябре.....	4
Окна пересыпаны под утро... ..	5
Даже огню нужно время... ..	7
Деревья разговаривают с ветром... ..	8
У поздней малины особенный вкус... ..	9
Заморозок.....	10
Озеро.....	11
Осень 2011-го.....	12
Облака к горизонту прибиты... ..	13
Апрель, как призрачно и блёкло... ..	14
На Оби.....	15
В комарином пуху подоконник... ..	16
Еще вездесущие настороже... ..	17
Крохолёт.....	18
В безлистую пору предзимья... ..	20
Да будет снег!.....	21
Завалило березы снегами... ..	23
Сетью лиственничной хвои... ..	24
Сапоги.....	25
Две метели.....	26

Ни ворон, ни сорок - минус сорок... ..	27
Февраль на припеке подмок... ..	28
Со вздохом обрушился в воду... ..	29
Райцентр.....	31
Снег, темнея, таял с хлюпом... ..	33
Обучаю внука тому, что... ..	34
Черно-белое.....	35
Поземка разгладила тени... ..	37
Мы от скрежета проснулись... ..	38
Черемуховым холодом и мхом... ..	40
Да нам ли не ведать, как... ..	42
Мы еще не совсем позабыли... ..	43
Пожар.....	44
Нас август берет на испуг... ..	45
Баня.....	47
А зима-то впопыхах... ..	48
Снег сухарист. Свет хрустален... ..	49
Вербное воскресенье.....	50
Село Керенка.....	51
В костер, дымящий еле... ..	52
День в зеркалинах и саже... ..	53
Майский снег.....	54
Далеко еще до инистых ночей... ..	55
Все цвета на нее перемерил я... ..	56
Лето.....	57
Обретение дня.....	58
Аллерген.....	59
Ночная гроза.....	60

Парк.....	61
Девяностые.....	62
Синеслоен снег и плотен... ..	63
37-ой.....	64
Уважен дождями июль, неспроста... ..	65
Собаки, голуби и осы... ..	67
Дед.....	68
Поход.....	69
Слишком долго празднуем победу... ..	70
Поминальную службу исполня... ..	71
Притча.....	72
Любость.....	73
В растерянном испуге - не ждала... ..	75
Подъезд.....	76
Вчера - ни облачка... ..	77
Вгостях.....	78
Тривхода.....	79
Эх, носило ж меня, бедолагу... ..	80
Когда-то.....	81
За соседним столом.....	82
С оттепельно пепельным оттенком... ..	83
Ливнями прилизанные травы... ..	84
Одинокая ель... ..	85
Слава Богу, я стал независим... ..	86
Слово.....	87
Книга.....	88
От наплыва мороси свежо... ..	89
Приезд.....	90

Сестры-погодки Тамара и Аня...	91
Над некошной травой...	92
Отец был несдержан, но тверд...	93
Бард.....	94
В разлуке.....	95
Из бодрого хвойника выбрали...	96
Санаторий.....	97
На море.....	98
Летим. Трещет озерко...	100
Долгий бег на месте.....	101
Зрелые ливни августа...	103
Что бы ветер ни выделявал с листвой...	104
Из цикла «Космос насекомых».....	106
Годкакжизнь.....	111

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY

PHYSICS DEPARTMENT
DIPLOMA THESIS

1968

PHYSICS DEPARTMENT

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY

PHYSICS DEPARTMENT

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS DEPARTMENT

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY

PHYSICS DEPARTMENT

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY

Владимир Михайлович Волковец

**РЕКА МОЯ,
ПАМЯТЬ-ТРАНЗИТ...**

Стихи

Редактор - А. Губанов

Дизайн-верстка - Д. Трифонов

Формат 120х180.

Гарнитура Times

Тираж 500 экз. Заказ № 538

Отпечатано в ОАО «Советская типография»
628240, ХМАО-Югра, Тюменская область,
г. Советский, ул. 50 лет Пионерии, 11 «в».
Тел./факс: 8 (34675) 3-22-09

097862012

Государственная библиотека Югры

ISBN 978-5-94007-065-8

9 785940 070658